

*Посвящается Стиву Берману,
вдохновившему меня на историю,
благодаря которой и появился этот роман*

ГЛАВА I

Умереть в свой срок
тоже прекрасно.

= Уолт Уитмен =

Тана проснулась в ванне — ноги закинута на бортик, холодный металлический кран упирается в щеку. Размеренно падающие капли воды пропитали ткань на плече, намочили волосы. Все остальное, включая одежду, было совершенно сухим, как с облегчением обнаружила Тана. Шея затекла, плечи болели. Она рассеянно посмотрела на потолок, покрытый пятнами плесени, похожими на тест Роршаха¹. Целое мгновение Тана не могла сообразить, где она, затем встала на колени и отодвинула занавеску.

Раковина была завалена пластиковыми стаканчиками, пивными бутылками и грязными полотенцами. Теплый яркий свет летнего солнца вливался

¹ Тест Роршаха — картинки с цветными пятнами; используется для тестирования в психологии и психиатрии.

в ванную через небольшое окошко над унитазом. Висящая перед окном гирлянда чеснока отбрасывала тень на стену.

Вечеринка. Да, точно. Она была на послезакатной вечеринке.

— Фу, гадость, — сказала Тана, хватаясь за занавеску, чтобы удержаться на ногах. Три колечка оборвались под ее весом. В висках застучало.

Она вспомнила, как собиралась, как надевала бренчащие браслеты, которые и сейчас тихо позванивали, стоило шевельнуться, и чуть ли не час шнуровала бордовые ботинки со стальными носками, которые теперь куда-то исчезли. Тана вспомнила, как подводила свои серо-голубые глаза черным карандашом с блестками и как поцеловала зеркало на счастье. Все остальное было как в тумане.

Тана добралась до крана и плеснула водой в лицо. Косметика размазалась, помада оказалась на щеке, тушь расплылась грязными пятнами. Рукав белого кружевного платья, которое она стащила у матери из шкафа, порван. Черные волосы спутались так, что расчесать их пальцами не удавалось. Она напоминала себе клоуна, которого выгнали из цирка.

Судя по всему, она вырубилась в ванной, пытаясь избежать встречи с Эйданом и его новой девушкой. А перед этим они играли в алкогольную игру «Дама или Тигр». Правила очень простые: подбрасываешь монетку и угадываешь — орел или решка, Дама или Тигр. Не угадал — выпиваешь рюмку. Потом были

танцы и опять виски. Эйдан пытался уговорить Тана уединиться с ними. С ним и его новой девушкой — мрачной, с красными волосами и собачьим ошейником на шее. Он сказал, это будет как затмение луны и солнца, как слияние тьмы и света.

Тана попыталась его отшить: «Это в штанах у тебя затмение», но он продолжал приставать. Виски пел в ее крови, подталкивая к знакомому желанию потерять голову. Трудно отказать Эйдану с его лицом падшего ангела. А еще хуже, что он об этом знал.

Тана со вздохом толкнула дверь ванной. Та даже не была заперта, так что ночью сюда мог войти кто угодно! А она была тут, прямо за шторкой — ужасно унизительно. Она вышла в холл. Запах разлитого пива стоял в воздухе, смешиваясь с другим — металлическим и гнилостно-сладким. В соседней комнате работал телевизор, Тана слышала голос диктора, шел выпуск новостей.

Родители Лэнса не возражали против вечеринок на старой ферме, так что он устраивал их каждую неделю, запирая двери на закате и не открывая их до рассвета. Тана не в первый раз была на такой вечеринке и знала, что обычно утро после нее наполнено криками, очередями в душ и к кофеварке, а также попытками соорудить завтрак из пары яиц и кусочка тоста.

В две маленькие ванные стоят длинные очереди, и если ты надолго задерживаешься, в дверь начинают стучать. Всем нужно в туалет, принять душ

и переодеться. Если она все это проспала и остальные уже в столовой, над ней будут смеяться. Шутить над тем, как она в отключке лежала в ванне, пока они делали все, что они там делали. Еще наверняка будут фотографии и прочие глупости, которые ей придется выслушивать, когда начнется учебный год. Хорошо еще, что ей усы не подрисовали.

Если бы здесь была Полина, ничего бы не случилось. Каждый раз, чувствуя, что вот-вот отрубятся, они забирались под стол в гостиной, свернувшись, как котята в корзинке, и ни одному парню на свете, даже Эйдану, не хватало смелости поспориться с Полиной — с ее-то острым языком. Но Полина уехала в свою театральную школу, а Тана было скучно, и она решила пойти на вечеринку одна.

Кухня была пуста. На столе в лужах разлитой выпивки и апельсиновой газировки размокали рассыпанные чипсы. Тана взялась за кофейник, когда на черно-белом линолеуме сразу за дверным проемом, ведущим в гостиную, заметила руку — раскрытую как во сне ладонь. Она расслабилась. Все в порядке, просто остальные еще спят. Наверное, она встала первой. Но солнце за окном поднялось уже достаточно высоко.

Чем дольше Тана смотрела на руку, тем четче видела, что кожа на ней какая-то бледная, а ногти отливают синевой. Сердце Таны громко застучало: тело реагировало быстрее, чем сознание. Она

медленно поставила кофейник на стол и — один осторожный шаг за другим — подошла к порогу гостиной.

Она заставила себя не кричать.

Бежевый ковер потемнел и затвердел от высохшей крови, разбрызганной, как краска на картине Джексона Поллока. Стены тоже были покрыты кровью, на их неровной бежевой поверхности виднелись отпечатки ладоней. И тела. Десятки тел. Люди, которых она видела каждый день, начиная с детского сада. Люди, с которыми она играла в пятнашки, из-за которых плакала, с которыми целовалась — они лежали в неестественных позах, бледные и холодные, с остекленевшими, как у кукол, глазами.

Рука, которую увидела Тана, принадлежала Имоджин, симпатичной пухленькой девушке с розовыми волосами, собиравшейся в следующем году поступать в художественное училище. Ее рот был полуоткрыт, темно-синяя складчатая юбка с рисунком в виде якорей задралась до самых бедер. Видимо, ее схватили, когда она пыталась отползти — одна рука была вытянута в сторону кухни, другая сжимала ковер. Тана отшатнулась, но тут же собралась с силами и шагнула в комнату.

Тела Отты, Илэйны и Джона лежали рядом. Они недавно вернулись из летнего лагеря чирлидеров и в начале вечеринки крутили сальто на заднем дворе. В теплом предзакатном воздухе пиццали комары.

Теперь их одежда и волосы были все в запекшейся крови, похожей на ржавчину, а лица покрыты кровавыми брызгами — как веснушками. Глаза распахнуты, зрачки помутнели.

Лэнса она обнаружила на диване, между девушкой и парнем, он обнимал их за плечи. У всех троих была прокушена шея. Рядом стояли пустые бутылки из-под пива, как будто вечеринка продолжалась. Как будто их бледно-синие губы могли в любой момент произнести ее имя.

Тану замутило, комната завертелась. Она опустилась на пропитанный кровью ковер, чувствуя, как в висках стучит все сильнее. На экране телевизора кто-то отмывал кухонный стол оранжевой жидкостью, улыбающийся ребенок слизывал варенье с куска хлеба.

Одно окно было открыто, заметила Тана, занавеска колыхалась на ветру. Вероятно, в маленьком домике стало слишком жарко, все взмокли, захотелось прохладного воздуха. А когда окно уже открыто, так легко забыть его закрыть. В конце концов, есть же чеснок, и оконные рамы вымыты святой водой. Такое могло случиться в Европе, например в Бельгии, где улицы кишели вампирами и магазины закрывались после наступления темноты. Но только не здесь. Не в этом городке, где уже пять лет не было ни одного нападения.

Но все-таки это случилось. Кто-то оставил окно открытым, и вампир пробрался внутрь.

Нужно найти телефон и позвонить — хоть кому-нибудь. Не отцу, он тут точно ничем не поможет. Может быть, в полицию. Или охотникам на вампиров, вроде Хемлока из телевизора — огромного бывшего рестлера с бритой головой и в коже с ног до головы. Он должен знать, что делать. Ее младшая сестра наклеила постер с Хемлоком на дверцу своего шкафчика в школе, рядом с фотографиями золотоволосого Люсьена — самого популярного вампира из Холодного города. Перл была бы в восторге, если бы Тана вызвала Хемлока — она бы наконец получила его автограф.

Тана фыркнула от смеха и тут же спохватилась. Она зажала рот рукой, чтобы заглушить звук. Не хорошо смеяться рядом с мертвыми; это все равно что смеяться на похоронах.

Немигающие глаза друзей смотрели на Тану.

По телевизору шел прогноз погоды: дожди на всю ближайшую неделю. Индекс НАСДАК упал.

Тана снова вспомнила, что Полины не было на вечеринке, и так обрадовалась, что не смогла заставить себя стыдиться этого. Все остальные мертвы, но Полина жива!

Вдалеке, в комнате, где лежали куртки, зазвонил чей-то телефон. Рингтон Tainted Love через некоторое время смолк. Но тут же зазвонили еще два телефона, намного ближе, звонки перекрывали друг друга.